

Новыя книги по исторіи философіи на русскомъ языкѣ.

I.

Виндельбандъ, Исторія древней философіи съ приложеніемъ исторіи среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. 2-ое изданіе, исправленное по послѣднему нѣмецкому. СПб. 1898. Стр. XVI+399. Цѣна 2 руб.

Предъ нами новое (2-ое) изданіе пять лѣтъ тому назадъ выпущеннаго русскаго перевода извѣстной исторіи древней философіи Вильгельма Виндельбанда. Это новое изданіе, подобно первому, выполнено подъ редакціей профессора СПб-скаго университета А. И. Введенскаго. На первое изданіе разсматриваемой книги въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ была уже помѣщена рецензія, принадлежащая профессору Московской духовной академіи П. И. Казанскому¹⁾, который „съ удовольствіемъ привѣтствовалъ переводъ ея на русскій языкъ“ и, — „послѣ ближайшаго знакомства съ ея содержаніемъ“, — „безъ колебанія“ присоединился къ тѣмъ лестнымъ отзывамъ о ней иностранныхъ рецензентовъ, которые признаютъ ее „произведеніемъ цѣннымъ и въ научномъ и въ педагогическомъ отношеніи, трудомъ, чуждымъ компилятивнаго характера и заслуживающимъ вниманія по своей самостоятельности и талантливости, надежнымъ руководствомъ для желающихъ въ непродолжительное время ознакомиться какъ съ главными направленіями

---

1) Богословскій Вѣстникъ, 1894 г., Январь, стр. 132—147.

греческой философіи, такъ и съ важнѣйшими произведеніями литературы по этому предмету 1)“. Въ самомъ переводѣ проф. Казанскій указалъ нѣкоторые, — впрочемъ, немногочисленные, — недосмотры 2), которые въ настоящемъ 2-омъ изданіи мы нашли исправленными. Не имѣя какихъ-либо особенно вѣскихъ поводовъ возражать противъ сдѣланной нашимъ предшественникомъ оцѣнки разсматриваемой книги и, вмѣняя въ заслугу новому изданію то, что оно исправило погрѣшности перваго, мы могли-бы совершенно освободить себя отъ его разбора и только пожелать ему вполне заслуживаемаго успѣха. Но въ новомъ изданіи есть одно добавленіе къ трактату о схоластической философіи, содержащее очеркъ философіи возрожденія (стр. 381—390). Добавленіе это заимствовано изъ перевода исторіи философіи Фулье, изданнаго г. Николаевымъ, и о немъ не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ.

Сдѣланный нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Николаевымъ переводъ Фулье такъ плохъ, что мы никакъ не ожидали возможности заимствования изъ него въ такое хорошее и аккуратное изданіе, какъ настоящее, хотя-бы заимствование это и было сдѣлано, какъ говорить проф. Введенскій, „съ надлежащими исправленіями“ (предис., стр. V). Довести до удовлетворительнаго состоянія переводъ г. Николаева, думалось намъ, довольно трудно; и это предубѣжденіе дѣйствительно оправдалось ближайшимъ разсмотрѣніемъ присоединеннаго къ книгѣ Виндельбанда отрывка изъ этого перевода. Въ общемъ, надо сказать, этому отрывку приданъ такой видъ, что смыслъ переводимаго не нарушается; но вѣрной и удачной передачей подлинника этотъ переводъ всетаки похвалиться далеко не можетъ. Прежде всего, многія слова и даже цѣлыя предложенія оригинала оставлены здѣсь *безъ перевода*. — Такъ, напр., на стр. 382 „dit-il *profondément*“ переведено просто „говоритъ онъ“, на стр. 384 выраженіе „a sa recompense *essentielle*“ передано „имѣетъ награду“, на стр. 386 выраженіе „s' affranchit *de toute religion et de toute morale*“ переведено „освободилась отъ религін и отъ нравственности“, на стр. 387

1) Стр. 132

2) Стр. 145—147.

французскому „*c'est un jeune philosophe qui revendique au nom de la raison...*“ соответствует русское „онъ во имя разума требоваль“, на стр. 387 совсѣмъ не переведено предложение „*car c'est la liberté de l'esprit et de sa plus divine partie la piété*“, на стр. 388 „*comme les dieux de théâtre ou comme les fées*“ переведено „какъ фен“, на стр. 389 „*varier de mille façons*“ — „видоизмѣнять“ и т. п. — Съ другой стороны, есть въ переводѣ и *лишнее противъ оригинала*. Напримѣръ, „*inaccessible en lui-même*“ переводится „самъ по себѣ недоступный *для насъ*“ (стр. 382), „*interprétaient Aristote dans le sens panthéiste d'Averrhoès*“ — „истолковывали Аристотеля въ пантеистическомъ смыслѣ, *слѣдуя въ этомъ* Аверроэсу“ (стр. 383), „*l'immanence de Dieu au monde*“ — „*присутствіе*, имманентность Бога въ (?) мірѣ“ (стр. 384), „*Luther est ennemi de la raison*“ — „Лютеръ былъ *заклятымъ* врагомъ разума“ (стр. 384), „*cette idée importante du contrat*“ — „эта чрезвычайно важная идея объ *общественномъ* договорѣ“ (стр. 385), „*les écrits du pasteur saxon Weigel, un mystique*“ — „сочиненія саксонскаго пастора, мистика *мистера* Вейгеля“ (стр. 385) и т. д. — Не мало встрѣчается *неточностей*, въ родѣ перевода „*on opposait Aristote à lui même*“ — „противопоставляли различныя положенія Аристотеля одно другому“ (стр. 383), „*la scolastique*“ — „схоласти“ (ibid.), „*il admet avec Aristote*“ — „онъ такъ-же, какъ и Аристотель, признавалъ“ (стр. 384), „*les doctrines des théologiens protestants*“ — „протестантскіе теологи“ (ibid), „*la conscience individuelle*“ — „личное убѣжденіе“ (стр. 385), „*Montaigne s'en tient à son „Que sais-je?“*“ — „Монтанъ былъ представителемъ чистаго скептицизма „Что знаю?““ (стр. 386), „*observation des faits mêmes et de leurs lois naturelles*“ — „наблюденіе самихъ фактовъ и изученіе управляющихъ ими законовъ“ (стр. 386) и проч. Есть, наконецъ, и крупныя погрѣшности, показывающія *плохое пониманіе переводимаго*. Такъ въ характеристикѣ лютеранства фраза „*la grâce seule peut opérer le bien en nous*“ совершенно неправильно переведена: „только *милость* Божія (grâce=благодать) можетъ сдѣлать *насъ добрыми*“ (стр. 384). На стр. 387 выраженіе „*introduction du droit dans la politique*“ переводится: „*идея о зависи-*

мѣсти политики отъ *естественнаго* права“. На стр. 386 „L'oeuvre de Machiavel“ (рѣчь идетъ о сочиненіи Макиавелли „Il Principe“) персдано чрезъ „литературная дѣятельность Макиавелли“. Къ подобнаго-же рода погрѣшностямъ надо отнести и переводъ „des éclairs de vérité (проблески истины)“ чрезъ „полезныя истины“ (стр. 386) и „idées, dont la réforme a été l'occasion“ чрезъ „идеи, *слѣдствіемъ* (вм. *поводомъ* или *причиною*) которыхъ была реформація“ (стр. 385).

Само собою разумѣется, что такое неудачное прибавленіе къ книгѣ Виндельбанда, какъ отрывокъ изъ перевода г. Николаева, хотя и является весьма нежелательнымъ и нѣсколько портящимъ впечатлѣніе, производимое этимъ прекраснымъ изданіемъ, не роняетъ однако сколько-нибудь существенно крупныхъ достоинствъ послѣдняго.

II.

В. Виндельбандъ, профессоръ Страсбургскаго университета. Исторія философіи. Переводъ съ нѣмецкаго И. Рудина. СПб. Изданіе СПб. акц. общ. „Издатель“. 1898. Стр. XII+613. Цѣна 3 руб.

Другое сочиненіе Виндельбанда, переводъ котораго на русскій языкъ недавно вышелъ въ свѣтъ, и которое обнимаетъ всю исторію философіи,—какъ древнюю, такъ и новую,—является книгой во многихъ отношеніяхъ замѣчательной. Прежде всего необходимо сказать, что въ изложеніи исторіи древней философіи авторъ не повторяетъ того, что даетъ въ только что разсмотрѣнномъ первомъ своемъ трудѣ, специально посвященномъ древней философіи. Это—совершенно особый трудъ, расположенный совсѣмъ по иному плану, преслѣдующій совершенно иныя цѣли и выполняемый по иному методу. Кратко это различіе можно указать въ томъ, что „Исторія древней философіи“ изслѣдуетъ свой предметъ съ точки зрѣнія представляемаго собственно имъ самимъ интереса, какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ въ духовной жизни древняго міра; сочиненіе это первоначально было напечатано въ сборникѣ Müller'a „Handbuch der klassischen Alterthums-Wissenschaft“. Что же касается „Исторіи философіи“, то

она, сообразно съ своей общей задачей, изъ исторіи древней философіи беретъ только то, что представляется важнымъ для исторіи проблемъ.

Переводчикъ разсматриваемой книги совершенно справедливо говоритъ о ея общемъ характерѣ, что „стремясь очертить процессъ возникновенія философскихъ проблемъ, Виндельбандъ совершенно отказывается отъ обычныхъ приемовъ изложенія и традиціоннаго расположенія общепринятыхъ учебниковъ, дающихъ скорѣе лѣтопись философіи, чѣмъ ея исторію, и избираетъ новый путь“ (стр. V). Самъ авторъ въ своемъ предисловіи такъ опредѣляетъ задачи и характеръ своего руководства: „Я предлагаю руководство, изображающее въ сжатой и доступной формѣ развитіе идей европейской философіи, и ставлю себѣ задачей показать, благодаря какимъ мыслительнымъ пружинамъ проникли въ сознаніе и развились въ теченіи исторіи тѣ принципы, по которымъ мы понимаемъ и оцѣниваемъ міръ и человѣческую жизнь. Руководство это должно напомнить объ истинной задачѣ исторіи философіи и предостеречь отъ забвенія въ этой исторіи самой философіи. Эта цѣль опредѣлила весь характеръ моей книги. Біографическій и библиографическій матеріалъ, служащій основой изслѣдованія, пришлось свести къ минимальному количеству и ограничить указаніемъ данныхъ и работъ, открывающихъ читателю доступъ къ лучшимъ источникамъ. . . . При выборѣ матеріала всегда выдвигалось то, что было дано отдѣльнымъ мыслителемъ цѣннаго и плодотворнаго, и сверхъ того, въ лучшемъ случаѣ, коротко упоминаются чисто индивидуальныя сочетанія идей, которыя могутъ служить благодарной темой ученаго изслѣдованія, но не представляютъ философскаго интереса. Главное значеніе я придаю развитію того, что въ философскомъ отношеніи является важнѣйшимъ: *исторіи проблемъ и понятій*. Изобразить ее въ качествѣ связнаго и стройнаго цѣлаго было главной моей цѣлью. Историческое переплетеніе различныхъ идейныхъ теченій, изъ котораго выросло наше міросозерцаніе и жизнепониманіе, составляетъ основной объектъ моего труда. Я убѣжденъ, что эта задача можетъ быть разрѣшена не посредствомъ логической конструкціи, а только путемъ всесторонняго, безпристрастнаго изслѣдованія фактовъ“ (стр. IX—X).

Разсматриваемая книга Виндельбанда состоитъ изъ введенія (стр. 1—16) и семи частей: I-ая часть обнимаетъ *философію грековъ* (стр. 21—141), II-ая—*эллинско-римскую философію* (стр. 142—240), III-я—*средневѣковую философію* (стр. 241—323), IV-ая—*философію возрожденія* (стр. 324—409), V-ая *философію просвѣщенія* (стр. 410—496), VI-ая—*нѣмецкую философію* (стр. 497—585) и VII-ая—*философію девятнадцатаго вѣка* (стр. 586—603).

Во введеніи авторъ прежде всего касается опредѣленія философіи (§ 1). Самъ онъ подъ философіей разумѣетъ „научное разъясненіе общихъ вопросовъ міропознанія и жизнепониманія“ (стр. 1). Сознвая самъ неточность такого опредѣленія, онъ видитъ его достоинство въ общности формулировки. Данныя разными философами болѣе точныя опредѣленія, но его словамъ, „оказались столь разнородными, что между ними невозможно уловить общую нить“ (ibid.). Между тѣмъ формулировка, которою онъ ограничивается, „представляетъ видоизмѣненіе и ограниченіе того первоначальнаго значенія, которое придавали слову философія греки, явившееся результатомъ всего движенія умственной жизни запада и сопровождавшее его“ (ibid.). Впрочемъ, авторъ даетъ обзоръ важнѣйшихъ исторически извѣстныхъ опредѣленій философіи и ея отношеній къ разнымъ сторонамъ умственной жизни и вообще культуры (стр. 2—7). Разнообразіе задачъ и содержанія философіи, слагавшихся въ теченіе вѣковъ, естественно, говоритъ авторъ, вызываетъ вопросъ: „какой смыслъ имѣетъ изображеніе въ исторической перспективѣ и послѣдовательности не только многочисленныхъ, но и разнородныхъ ученій, между которыми, повидимому, кромѣ имени нѣтъ ничего общаго“ (стр. 7)?— Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ авторъ утверждаетъ, что „общая связь, которой мы не находимъ ни въ предметѣ, ни въ цѣляхъ, занимающихъ философовъ, можетъ быть найдена только въ общности результатовъ, достигаемыхъ философами, не смотря на все различіе ихъ цѣлей и содержанія ихъ изслѣдованій, благодаря самой природѣ ихъ науки“ (стр. 8). Съ этой точки зрѣнія онъ и подходит къ опредѣленію *исторіи философіи*. По его словамъ, „*исторія философіи есть процессъ разработки европейскими народами и выраженія въ научныхъ понятіяхъ ихъ міро-*

воззрѣнія и отношенія къ жизни“ (ibid.). При такомъ опредѣленіи исторіи философіи, становится понятнымъ и ея значеніе для мыслящаго чловѣчества. „Эта общая сущность всѣхъ тѣхъ продуктовъ духовной дѣятельности, которые подходятъ подъ категорію философіи,—говоритъ Виндельбапдъ,—и даетъ исторіи философіи ея содержаніе, ея цѣль и назначеніе; она дѣлаетъ знакомство съ исторіей философскихъ ученій необходимой основой не только ученой подготовки, но и образованія вообще, ибо исторія философіи учитъ, какъ выработались тѣ понятія, на основаніи и при помощи которыхъ мы судимъ и думаемъ, какъ въ повседневной жизни, такъ и въ сферѣ специальныхъ знаній, о мірѣ нашего опыта“ (ibid.). Задача исторіи философіи, по мнѣнію автора, тройкая: „1, точно установить есѣ данныя, которыя могутъ быть получены о жизни, интеллектуальномъ развитіи и ученіяхъ философовъ изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ; 2, изъ этого матеріала возстановить генетическій процессъ въ такой степени, чтобы для каждаго философа была установлена зависимость его ученій какъ отъ воззрѣній его предшественниковъ, такъ и отъ господствующихъ идей даннаго времени, его собственной натуры и его образованія; 3, оцѣнить, какое значеніе имѣютъ по отношенію къ общему результату исторіи философіи изученныя и разъясненныя такимъ образомъ ученія“ (стр. 13.) Этими задачами опредѣляются и приемы разработки исторіи философіи. „По отношенію къ первымъ двумъ задачамъ, говоритъ Виндельбапдъ, исторія философіи является *филологическо-исторической*, тогда какъ третій моментъ дѣлаетъ ее *критическо-философскою* наукой (ibid). Последній (3 ій) § введенія даетъ раздѣленіе философіи и ея исторіи (стр. 16—19). Раздѣленіе исторіи философіи мы уже привели выше. Что-же касается раздѣленія самой философіи, то авторъ различаетъ въ ней двоякія проблемы: 1, *теоретическія*, къ которымъ относятся проблемы логики, теоріи познанія, психологіи, натурфилософіи, метафизики и раціональной теологіи, и— 2, *практическія*, къ которымъ принадлежатъ проблемы этики, соціологіи, философіи права, эстетики и отчасти философіи религіи (стр. 17—18).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о содержаніи каждой изъ семи частей въ книгѣ Виндельбанда.

Что касается *греческой философіи*, то, по словамъ автора, на первыхъ порахъ „греческая наука обратила весь пылъ юношескаго увлеченія на проблемы изслѣдованія природы. Только подъ влияніемъ позднѣйшаго анализа достигнутыхъ результатовъ и повелительныхъ требованій, которыя предъявляла къ зрѣлой наукѣ жизнь, какъ къ соціальному фактору, философія обратила свой взоръ внутрь и сдѣлала своимъ объектомъ человѣческіе поступки. Въ началѣ подобный поворотъ могъ показаться шагомъ назадъ на пути частаго изслѣдованія. Но тѣмъ сильнѣе ожила жажда знанія, когда были достигнуты положительные результаты и въ изученіи внутренняго міра человѣка; она создала тѣ великія системы, возникновеніе которыхъ заключило развитіе чисто греческой философіи. Поэтому исторія философіи грековъ подраздѣляется на *три періода: космологическій*, лежащій приблизительно между 600 и 450 годами до Р. Х., *антропологическій*, который заполняетъ вторую половину пятаго вѣка (450—400) и *систематическій*, обнимающій развитіе трехъ великихъ системъ: системы Демокрита, системы Плагона и системы Аристотеля (400—322) (стр. 23). Соотвѣтственно такому раздѣленію, авторъ разсматриваетъ въ первомъ періодѣ (стр. 24—57) обработку трехъ понятій,—*бытія* (§ 4, стр. 28—42), *измѣненія и послѣдовательности* (§ 5, стр. 42—51) и *познанія* (§ 6, стр. 52—57),—въ ученіяхъ Талеса, Анаксимандра, Анаксимена, Ксенофана, Гераклита, Парменида, Зенона, Эмпедокла, Анаксагора, Левкиппа и пифагорейцевъ. Во второмъ періодѣ (стр. 58—89) онъ разсматриваетъ обработку двухъ проблемъ,—*нравственности* (§ 7, стр. 64 и слѣд.) и *науки* (§ 7 стр. 78 и слѣд.),—въ ученіяхъ софистовъ (Протагора, Горгія и др.), Сократа и „сократиковъ“ (Эвклидъ, Антисеенъ, Диогенъ, Аристиппъ и др.). Въ третьемъ же періодѣ (стр. 89—141) онъ старается прослѣдить, какъ развились „*типическія черты трехъ различныхъ міровоззрѣній*“,—*матеріализма* Демокрита (§ 10, стр. 99 и слѣд.), *идеализма* Платона (§ 11, стр. 106 и слѣд.) и *системы развитія* Аристотеля (§ 13, стр. 126 и слѣд.). Въ качествѣ вводныхъ и пояснительныхъ моментовъ такого изслѣдованія онъ здѣсь въ двухъ отдѣль-

ныхъ §§ даегъ трактаты о реставраціи метафизики при помощи теоріи познанія и этики (§ 9, стр. 94 и сл.) и о логикѣ Аристотеля (§ 12, стр. 120 и сл.).

Во второй части своей книги, посвященной *эллинско-римской философіи*, авторъ различаетъ въ развитіи философской мысли два періода, — *этический* (стр. 146 — 192) и *религіозный* (стр. 192 — 240). Философы перваго періода, — перипатетики, академики, стоики, эпикурейцы, скептики и др., — занимались вопросами — *объ идеаль мудреца* (стр. 150 и слѣд., § 14), *о механизмъ и телеологii* (§ 15, стр. 163 и слѣд.), *свободѣ и совершенствѣ міра* (§ 16, стр. 175 сл.) и *о критеріи истины* (§ 17, стр. 181 и сл.), во второмъ же періодѣ неопиѳагорейцы, неоплатоняки, гностики старались установить отношеніе между *авторитетомъ* и *откровеніемъ* (§ 18, стр. 200 и сл.), *духомъ* и *матеріей* (§ 19, стр. 210 и сл.), *Богомъ* и *міромъ* (§ 20, стр. 215 и сл.) и разрѣшить *проблему исторіи міра* (§ 21, стр. 233 и сл.).

Исторію *средневѣковой философіи*, излагаемой въ третьей части книги Виндельбанда, авторъ дѣлитъ на два періода, — первый приблизительно до 1200 г., второй съ 1200 г. и до начала новыхъ вѣковъ. Основаніе для такого дѣленія даегъ общій характеръ развитія средневѣковой мысли. „Въ теченіе всего средневѣковаго періода, говоритъ авторъ, идеи древней философіи, то поддерживая, то отстраняя другъ друга и претерпѣвая многочисленныя измѣненія, сохраняютъ господствующую роль; но важнѣйшимъ и рѣшительнымъ событіемъ представляется гесомпѣнно усвоеніе или *реценція аристотелизма*, совершившаяся около 1200 года. Она раздѣляетъ всю исторію средневѣковой науки на два отдѣла, которые по своему философскому содержанию относятся другъ къ другу такимъ образомъ, что интересы, проблемы и противоположности движенія перваго періода въ расширенной и вмѣстѣ съ тѣмъ углубленной формѣ повторяются во второмъ періодѣ“ (стр. 247). Инициаторомъ средневѣковой философіи Виндельбандъ считаетъ блаженнаго Августина, ученіе котораго, названное имъ „метафизикой внутренняго опыта“ и излагается въ 1-ой главѣ перваго отдѣла (§ 22, стр. 254 и сл.). Въ дальнѣйшемъ изложеніи обоихъ отдѣловъ авторъ, какъ и раньше,

держится предметнаго порядка. Вотъ заглавія помѣщенныхъ здѣсь трактатовъ: „Споръ объ общихъ понятіяхъ“ (§ 23, стр. 265 и сл.), „Дуализмъ души и тѣла“ (стр. 279 и сл., § 24), „Царство природы и царство благодати“, (§ 25, стр. 295 и сл.), „Первенство воли иля разсудка“, (§ 26, стр. 305 и слѣд.) и „Проблема индивидуальности“ (§ 27, стр. 313 и слѣд.).

Въ *философiи возрожденія* (часть четвертая) Виндельбандь различаетъ два періода, — *гуманистическій* и *естественно-научный*. Первый періодъ характеризуется, прежде всего, *борьбою традицій*, выразившейся какъ въ усиленіи платонизма и аристотелизма, такъ равно и въ полемикѣ противъ схоластической философiи, въ религиозномъ скептицизмѣ и въ философскихъ тенденціяхъ протестантства (§ 28, стр. 333 — 342). Изъ философскихъ идей этого періода самой характерной является идея аналогіи *макрокосма* и *микроскосма*, какъ гносеологическій принципъ. На этой идеѣ вращались изысканія Джордано Бруно, Якова Бѣма, Николая Кузанскаго, Кампанеллы и др. (§ 29, стр. 342 и слѣд.). Что же касается второго періода, то онъ уже начинается собою собственно новую философiю. Изъ теоретическихъ проблемъ этого періода самыми важными являются двѣ, — *проблема метода* и *проблема субстанціи* и *причинности*. Надъ рѣшеніемъ этихъ проблемъ трудились величайшіе представители научной и философской мысли того времени: Кеплеръ, Ньютонъ, Бэконъ, Декартъ, Гоббесъ, окказіоналисты (Гейлинксъ и Мальбраншъ), Спиноза, Лейбницъ и др. (§§ 30—31 стр. 358 и слѣд.). Изъ практическихъ же вопросовъ мыслителей этого періода занимали главнымъ образомъ вопросы *естественнаго права*. Здѣсь должны быть названы ученія—Макиавели, Моруса, Бодена, Гроція, Гоббеса и др. (§ 32, стр. 398 и слѣд.).

Пятая часть книги Виндельбанда (стр. 410—496) посвящена *философiи просвѣщенія*, развитіе которой хронологически почти совпадаетъ съ XVIII столѣтіемъ. Это— время отъ Локка до Канта. Содержаніе этой философiи разсматривается авторомъ въ двухъ главахъ: I-я гл. (стр. 420—469) говоритъ о теоретическихъ вопросахъ, занимавшихъ мыслителей этой эпохи, а II-я (стр. 469—496)— о практическихъ. Къ числу теоретическихъ проблемъ этого

времени авторъ относитъ вопросы—о *врожденныхъ идеяхъ* (§ 33, стр. 421 и сл.), о *познаніи вѣшняго міра* (§ 34, стр. 438 и сл.) и о *естественной религіи* (§ 35, стр. 457 и сл.). Изъ практическихъ же вопросовъ въ это время разрабатывались *принципы морали* (§ 36, стр. 472 и сл.) и *проблема культуры* (§ 37, стр. 487 и сл.). Главными представителями философской мысли этого времени являются *Локкзъ*, *Берклей*, приверженцы ассоціационистской психологіи (Броунъ, Гертли и др.), моралисты—Шефтсбюри, Гэтчисонъ, Ад. Смитъ, деисты (Толандъ, Коллинзъ, Тиндаль и др.), *Давидъ Юмзъ*, *Ридзъ*, французскіе сенсуалисты (Ламеттри, *Кондильякзъ*, Кабанисъ), энциклопедисты (Дидро, Даламберъ, Гольбахъ, Гельвецій и др.), Вольтеръ и Руссо и, наконецъ, *Лейбницзъ* и Вольфъ. Любопытенъ общій взглядъ автора на эту философію. „Въ философіи просвѣщенія, говоритъ онъ, повторяются всѣ черты *греческой софистики* съ большей идейной зрѣлостью, съ большимъ разнообразіемъ, съ углубленнымъ содержаніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ большею яркостью противоположностей... На мѣсто Аоинъ мы видимъ теперь цѣлый рядъ центровъ духовнаго движенія европейскихъ культурныхъ народовъ. Научная традиція считаетъ за собою столько же тысячелѣтій, какъ тогда вѣковъ. Но все направленіе, объекты, точки зрѣнія и результаты философскаго изслѣдованія этихъ двухъ, столь далекихъ другъ отъ друга и столь различныхъ по своему культурному содержанію, періодовъ, обнаруживаютъ поучительное сродство. Въ обоихъ случаяхъ мы видимъ одинаковое возвращеніе къ субъекту чело-вѣку, скептическое и усталое пренебреженіе метафизическими тонкостями, одинаковое предпочтеніе къ изслѣдованію человѣческой душевной жизни, то же изученіе возможностей и границъ научнаго познанія и ту же страстность въ обсужденіи проблемъ общественной жизни; не менѣе характерно, наконецъ, для обѣихъ эпохъ распространеніе философіи въ широкихъ слояхъ общества и слияніе научнаго и литературнаго движенія“ (стр. 410—411).

Шестая часть содержитъ исторію *нѣмецкой философіи* (стр. 497—585). „Счастлирое объединеніе нѣсколькихъ духовныхъ теченій, говоритъ авторъ, вызвало въ Германіи въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка расцвѣтъ

философіи, который можно сравнить только съ великой эпохой греческой философіи, начавшейся Сократомъ и за-вершившейся Аристотелемъ. Развиваясь съ одинаковой силой какъ въ глубь, такъ и въ ширь, нѣмецкій умъ создалъ въ теченіе короткаго промежутка четырехъ десятилѣтій (1780—1820) цѣлый рядъ величественныхъ и всеобъемлющихъ системъ философскаго міропониманія, возникавшихъ другъ за другомъ съ небывалой еще быстротой. Въ системахъ этихъ всѣ идеи предшествующей философіи объединяются въ своеобразное и яркое цѣлое. Онѣ составляютъ въ своей совокупности зрѣлый плодъ долгаго роста и содержатъ въ себѣ зародышъ новаго, до сихъ поръ еще не опредѣлившагося развитія“ (стр. 497). Исторію нѣмецкой философіи Виндельбандъ дѣлитъ на двѣ главы, изъ которыхъ первая касается Канта (§§ 38—40, стр. 499—533), а вторая говоритъ о развитіи идеализма, т. е. ученій ближайшихъ учениковъ и противниковъ Канта (*Якоби, Шульце, Рейнгольдъ, Шиллеръ и др.*) и главнымъ образомъ философскихъ системъ *Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шлейермахера, Гербарта, Шопенгауэра* (стр. 533—585). „Въ философской симфоніи сорокалѣтія, о которомъ идетъ рѣчь, по его словамъ, кантовское ученіе является темой, а идеализмъ—разработкой этой темы“ (стр. 499). Общую схему развитія нѣмецкаго идеализма онъ представляетъ такъ: „Всѣ эти системы исходятъ изъ антагонистическихъ идейныхъ элементовъ, которые переплетались въ ученіи Канта *о вещахъ въ себѣ*. Послѣ короткаго періода критическаго сомнѣнія Фихте, Шеллингъ и Гегель направили свои усилія къ тому, чтобы понять міръ безъ всякаго остатка въ качествѣ *системы разума*. Смѣлой энергіи ихъ метафизическихъ размышленій Шлейермахеръ и Гербартъ противопоставляютъ Кантовское ученіе о границахъ человѣческаго познанія. Тотъ-же мотивъ легъ въ основу *метафизики ирраціональнаго*, которую мы встрѣчаемъ въ позднѣйшемъ ученіи Шеллинга и у Шопенгауэра“ (стр. 534). Соответственно этому и во всемъ развитіи идеализма онъ различаетъ три момента: обработку понятія о вещи въ себѣ (§ 41, стр. 538 и сл.), обоснованіе системы разума (§ 42, стр. 554 и сл.) и установку метафизики ирраціональнаго (§ 43, стр. 579 и сл.).

Послѣдняя, седьмая часть (стр. 586—603) излагаетъ исторію *философіи девятнадцатаго вѣка*. Этой части своей книги авторъ не придаетъ большого значенія. „*Исторія философскихъ принциповъ*“, говоритъ онъ, *заканчивается* развитіемъ нѣмецкихъ системъ на порогѣ нашего вѣка. Обзоръ послѣдующаго развитія философіи представляетъ въ значительно большей степени литературно-историческій, чѣмъ собственно философскій интересъ. Ибо существенно новаго съ этихъ поръ мы не можемъ указать ничего. XIX вѣкъ далекъ отъ того, чтобы быть названнымъ философскимъ“ (стр. 586). Эта часть отличается чисто конспективнымъ характеромъ. Главными вопросами этого періода онъ считаетъ вопросъ о душѣ (§ 44: „Борьба изъ-за души“, стр. 593 и сл.) и о взаимоотношеніи природы и исторіи (§ 45, стр. 599 и сл.).

Уже изъ представленнаго краткаго обзора содержанія книги Виндельбанда видно, какой громадный интересъ представляетъ она для занимающихся философіей. Она является какъ-бы историческимъ введеніемъ или пропедевтикой къ попыткамъ собственныхъ философскихъ изысканій мыслителей нашего времени. Знакомясь съ положительными результатами прошлаго, легче намѣтитъ дѣйствительно назрѣвшія потребности настоящаго и проблемы будущаго. Жаль только, что авторъ не разработалъ съ такою-же тщательностію философіи 19-го вѣка, какъ философію рапнѣйшихъ эпохъ. Исторія философскихъ проблемъ, не доведенная непременно до нашихъ дней, наполовину теряетъ свое значеніе. Съ мнѣніемъ Виндельбанда, будто исторія философскихъ принциповъ *закончилась* развитіемъ нѣмецкаго идеализма, мы никакъ не можемъ согласиться. Но во всякомъ случаѣ, надо быть благодарнымъ автору и за то, что онъ далъ. Книга его читается съ большимъ интересомъ, хотя и не легко.

Что касается перевода ея на русскій языкъ, то въ общемъ его можно признать довольно удовлетворительнымъ. Переводчикъ довольно вѣрно вообще передаетъ смыслъ подлинника. И для людей, владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ. — не настолько, чтобы прямо читать любую нѣмецкую книгу, но достаточно, чтобы, въ случаѣ невразумительности того или иного мѣста въ переводѣ, обратиться для провѣрки

къ подлиннику, — переводъ г. Рудина будетъ полезенъ. По такъ-какъ переводная литература у насъ находитъ свой сбытъ главнымъ образомъ среди людей, не читающихъ переводимыхъ авторовъ въ оригиналѣ, то нельзя не пожалѣть о томъ, что настоящій переводъ Вишельбандовой исторіи философіи всетаки весьма далекъ отъ совершенства. Вотъ нѣсколько на удачу взятыхъ примѣровъ, число которыхъ, по желанію, можно-бы было значительно увеличить.

„Сначала интересы философіи, переводитъ г. Рудинъ, концентрируются почти всецѣло на задачахъ естественно-научнаго изслѣдованія, долгое время затѣмъ задачи эти составляютъ составную часть философіи и только въ новѣйшее время обособляются отъ нея. Наоборотъ, исторія, по отношенію къ большей части философскихъ ученій, оставалась равнодушной, сдѣлавшись объектомъ философскаго изслѣдованія сравнительно поздно и то только въ единичныхъ случаяхъ“ (стр. 4). Последнее предложеніе въ подлинникѣ читается: „Die Geschichte umgekehrt ist dem grössten Theile der philosophischen Systeme *gleichgiltig* geblieben, um erst verhältnissmässig spät und vereinzelt als Object philosophischer Untersuchung aufzutreten“. Смыслъ тотъ, что философія долго не интересовалась исторіей. Стало быть, не исторія была равнодушна къ философіи, а наоборотъ. „*Gleichgiltig*“ слѣдовало-бы перевести или словомъ „безразличный“ или „не интересующій“. На стр. 425 нѣмецкое выраженіе: „David Hume *machte sich* diese Lehre in vollem Umfange *zu eigen*“ — переведено: „Давидъ Юмъ *ассимилировалъ* это ученіе во всемъ его объемѣ“. Читатель, конечно, будетъ недоумѣвать, съ чѣмъ это Д. Юмъ „ассимилировалъ“ это ученіе. Надо-бы было перевести просто — „усвоилъ“. На стр. 504 читаемъ: „Изъ этихъ *догматическихъ* просонокъ его (Канта) пробудилъ Юмъ“. Фраза имѣетъ очень странный видъ: когда человекъ проснулся, чего же его еще пробуждать? Нѣмецкое „*Schlummer*“, слѣдовало-бы перевести „дремота“, а не „просонки“. Это „*dogmatisch'r Schlummer*“ — собственное выраженіе Канта и многократно уже переводилось (конечно, совершенно правильно) на русскій языкъ. На стр. 422 фраза — „въ этихъ ученіяхъ... увидѣли опасность для *сверхчувственнаго* человека“ представляется довольно уродли-

вой. Между тѣмъ въ подлинникѣ стоитъ — „*übersinnliche Würde des Menschen*“, имѣющее совершенно опредѣленный и вѣрный смыслъ. На стр. 500 нѣмецкое „*Zugehörigkeit des Prädicats zum Subject*“ неправильно переводится — „отношеніе предиката къ субъекту“. Неловко передано на стр. 424 „wegen seines metaphysischen Anschlusses an Descartes“ — „въ силу своего метафизическаго присоединенія къ Декарту“ (слѣдовало-бы перевести: „примыкая въ метафизическихъ воззрѣніяхъ къ Декарту“). Точно также примѣрами неудачнаго перевода являются—передача „*Geschehen*“ чрезъ „Измѣненіе и послѣдовательность явленій“ (стр. 42), „*Willensfreiheit*“ — чрезъ „вобода“ (стр. 175), „*Die Kriterien*“ — „Критерій“ (стр. 181), „*Behandlung*“ — „разъясненіе“ (стр. 1), „*Name der Philosophie*“ — „терминъ философіи“ (ibid), „*historische Forschung und Darstellung*“ — „историческая перспектива и послѣдовательность“ (стр. 7) и т. п. Слово „*Gegenstand*“ г. Рудинъ обыкновенно переводитъ „объектъ“ (а не „предметъ“), хотя иной разъ и не кстати (ср. особ. стр. 500. 504. X). Не рѣдко онъ оставляетъ безъ перевода такіе термины, которые у насъ давно уже принято переводить, — напр., „престабилизированная гармонія“ (стр. 397), „преформированная гармонія“ (стр. 504).

Въ упрекъ переводчику надо поставить также искаженіе нѣкоторыхъ собственныхъ именъ и заглавій сравнительно съ принятой у насъ ихъ передачей. Онъ пишетъ: „Фалесъ“, „Афинагоръ“, „Гелинксъ“, „Кельсъ“, „Юстинъ Мартиръ“, „Оригенъ-Адамантій“, „Книга мудрости Соломона и т. п.

Наконецъ, недовольны мы и тѣмъ, что переводчикъ опустилъ многочисленныя ссылки Виндельбанда на литературу и приложенный къ его книгѣ „*Sach-Register*“ (предметный указатель). Мы рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ обезцѣнивать хорошую книгу такими купюрами. Какъ будто русскій читатель менѣе нѣмца нуждается и въ ученomъ аппаратѣ, и въ возможности скоро и легко ориентироваться въ изученномъ матеріалѣ!...

III.

I. Ремке, Очеркъ исторіи философіи. Пособіе для самообразованія и для студентовъ. Переводъ съ нѣмецкаго *H. Лосскаго* подъ редакціей *И. Колубовскаго*. Цѣна 1 р. 50 к. СПб. 1898. Стр. 344. (Издание О. Н. Поповой. Культурно-историческая бібліотека).

Небольшая по объему, книжка Ремке однако весьма со-держательна. Она обнимаетъ всю исторію философіи отъ Θαλεσα до Лотце. Въ краткомъ введеніи дается опредѣленіе философіи и ея исторіи и раздѣленіе послѣдней на періоды (стр. 1—2). Какъ образецъ сжатого, но въ то же время легко понимаемаго и общедоступнаго изложенія, по которому читатели могутъ до нѣкоторой степени судить о характерѣ изложенія и всей вообще книги, — мы позволимъ себѣ выписать это введеніе сполна. „Слово *философія*, говоритъ Ремке, обозначаетъ въ настоящее время особую науку, а не науку вообще, какъ это было во времена Платона и Аристотеля; ея особый *предметъ* есть *міръ вообще*, ея цѣль — истинное воззрѣніе на жизнь и на міръ. Задача философіи — установить общія опредѣленія всей дѣйствительности, вслѣдствіе чего философія называется всеобщую или основною наукою; она задается цѣлью отвѣтить на общіе вопросы, касающіеся міра или дѣйствительности вообще. Что такіе вопросы существуютъ, это видно будетъ уже изъ самой исторіи философіи. Но какъ исторія науки, т. е. свободнаго отъ предразсудковъ рѣшенія этихъ вопросовъ, она простирается въ исторіи человѣчества въ глубь и ширь не такъ далеко, какъ исторія самихъ этихъ вопросовъ, такъ какъ, съ одной стороны, задолго до первыхъ научныхъ попытокъ является ненаучное философствованіе, а съ другой, — даже и послѣ появленія *философіи* до настоящаго времени все еще продолжается диллетантское ненаучное философствованіе. Оно — въ крови у человѣка; конечно, не всякому, доступно занятіе философіей, но оно необходимо для того, кто имѣетъ притязаніе считаться образованнымъ. — Гдѣ впервые является научная разработка философскихъ или общихъ вопросовъ, тамъ начинается

исторія философіи; научнымъ же называется изслѣдованіе, которое предпринимается ради самаго познанія, безъ предвзятаго направленія. Впервые появилась философія у грековъ, которые и дали имя нашей наукѣ, и съ тѣхъ поръ она постоянно находила послѣдователей и продолжателей. Исторію философіи мы дѣлимъ на два главныхъ отдѣла: исторію древней и исторію новой философіи; первая обнимаетъ время отъ 600 г. до Р. Х. до 1600 по Р. Х., вторая—отъ 1600 г. по Р. Х. до настоящаго времени“.

Столь же кратко и толково авторъ и въ изложеніи разныхъ философскихъ ученій. Всѣ излишнія біографическія, бібліографическія и литературно-историческія подробности опущены. Оставлено только самое существенное, чтобы человеку, изучавшему предметъ болѣе обстоятельно (напр., студенту), въ краткомъ обзорѣ напомнить всѣ важнѣйшіе моменты въ развитіи философіи и въ разработкѣ отдѣльныхъ философскихъ доктринъ, а начинающаго не обременять массой сравнительно побочныхъ подробностей. Не претендуя на какую-либо научную цѣнность, а лишь на *учебную*, книжка Ремке съ этой точки зрѣнія и должна быть цѣнима. И мы должны сказать, что въ этомъ отношеніи она представляется пріятнымъ явленіемъ на нашемъ книжномъ рынкѣ. При доступномъ изложеніи, маломъ объемѣ и сравнительной полнотѣ сообщаемаго учебнаго матеріала, она дѣйствительно можетъ быть и довольно хорошимъ учебникомъ,—лишь въ немногихъ случаяхъ нуждающимся въ дополненіяхъ и исправленіяхъ,—и очень хорошимъ *repetitorium*’омъ. О характерѣ изложенія Ремке, какъ мы сказали, читатели могутъ судить уже по выписанному нами введенію. Теперь, чтобы дать понятіе о томъ, какія подробности авторъ считаетъ достаточнымъ сообщать о разсматриваемыхъ имъ философахъ, мы приведемъ еще два—три отрывка.

Напримѣръ, всѣ свѣдѣнія о *Талесѣ* сообщаются въ 8 строкахъ: „По *Талесу*, вода есть первичное вещество, и всѣ другія отдѣльныя вещи, какія существуютъ въ мірѣ, произошли изъ воды. То обстоятельство, что первичное вещество встрѣчается въ мірѣ, какъ особая вещь, на ряду съ другими, напр., землею, воздухомъ и т. п., внушало ему, кажется, еще такъ же мало сомнѣнія, какъ и собствен-

ное его утверждение, что изъ такой особой вещи, встречающейся въ этомъ мірѣ, „происходятъ“ особыя вещи совсѣмъ иного рода“ (стр. 4). Здѣсь не только сообщено то немногое, что съ достовѣрностью можетъ быть утверждено о Ѳалесѣ, но и указаны (конечно, предположительно) тѣ пункты его воззрѣвія, которые могли дать поводъ послѣдующимъ философамъ къ пересмотру вопроса о первоосновѣ міра. Соображенія о томъ, какъ Ѳалесъ пришелъ къ своему утверждению, что надо разумѣть подъ его водой и т. п., конечно, представляютъ интересъ; но въ виду ихъ совершенной гипотетичности, опущеніе ихъ представляется не заслуживающимъ упрека.

Другой примѣръ. Вотъ какъ начинается авторъ изложеніе Локка: „Джонъ Локкъ (1632—1704), хотя и подвергся вліянію умозрительной философіи Декарта, былъ однако сторонникомъ эмпиризма, который уже имѣлъ представителя въ лицѣ его соотечественника, Франциска Бэкона; но Локкъ относится къ нему вполне независимо и идетъ самостоятельнымъ путемъ. Онъ—первый философъ новаго времени, выдѣлившій вопросъ о познаніи изъ метафизическихъ изслѣдованій и обсуждавшій его въ психологической теоріи познанія. Главное философское сочиненіе его называется „Изслѣдованіе о человѣческомъ познаніи ¹⁾“ (An essay concerning human understanding)“ (стр. 170—171). Какъ видимъ, здѣсь въ немногихъ словахъ указано—и время жизни Локка, и отношеніе его къ предшественникамъ, и главный интересъ его философіи, и, наконецъ, главное его сочиненіе. Чего-же еще больше требовать отъ *repetitorium'a*? По послѣдуемъ еще немного за авторомъ. Онъ излагаетъ ученіе Локка о познаніи (все вообще ученіе Локка онъ излагаетъ въ двухъ главахъ: ученіе о познаніи, стр. 171—181, и—ученіе о волѣ, стр. 181—183): „Исходнымъ пунктомъ Локку служитъ не сомнѣніе вообще, какъ у Декарта, а скорѣе вопросъ о томъ, существуютъ-ли границы познанія. Этотъ вопросъ не появлялся ни у Бэкона, ни у Декарта, для Локка-же это—основной вопросъ философіи. Первое предположеніе, которое онъ дѣлаетъ, ставя этотъ вопросъ, состоитъ въ томъ, что все, имѣющее

¹⁾ Переводъ этого заглавія надо признать неудачнымъ.

характеръ „познанія“ или „достоѣрности“, должно быть дано „въ душѣ“ познающаго, а второе его предположеніе заключается въ мнѣніи, что душа не приноситъ съ собою съ самаго начала никакого содержанія сознанія. Первое предположеніе онъ считаетъ самоочевиднымъ, а второе старается защищать противъ Декарта, который признавалъ существованіе „врожденныхъ идей“. При этомъ онъ становится на точку зрѣнія Бэкона, что познающая дупа первоначально есть *tabula rasa*, неисписанный листъ, и впервые получаетъ содержаніе путемъ опыта“ и т. д. (стр. 171). Всякій знакомый съ дѣломъ читатель видитъ уже по этому началу, какъ удачно въ изложеніи Ремке сочетаются краткость съ наглядностью и толковостью, и какъ умѣло авторъ старается уловить логическій ходъ мыслей философа.

Главный недостатокъ книги мы видимъ въ неполнотѣ исторіи послѣ - Кантовской философіи. Здѣсь изложены только ученія: а) учениковъ и противниковъ Канта (стр. 291—296), в) Фихте (стр. 297—308), с) Шеллинга (стр. 308—312), d) Гегеля (стр. 312—318), e) Шлейермахера (стр. 318—321), f) Шопенгауэра (стр. 321—331), g) Гербарта (стр. 331—337) и h) Лотце (стр. 337—340). О французской и англійской философіи 19-го вѣка—ни слова! Пробѣль этотъ — довольно существенный, и переводчикъ хорошо-бы сдѣлалъ, если-бы пополнилъ его хотя-бы переводомъ изъ какой-нибудь другой книги.

Переводъ книги на русскій языкъ, за немногими исключеніями, сдѣланъ вполне удовлетворительно.

IV.

Проф. *Кэрдъ*, Гегель. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. *С. Н. Трубецкой*. Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ *Вл. С. Соловьева*. Москва. 1898 г. (Труды Московскаго психологическаго общества, вып. VI) Цѣна 1 р. 50 к. Стр. LI+306.

„Гегель, —говорить кн. *С. Н. Трубецкой* въ своемъ предисловіи къ переводу разсматриваемой книги, — есть безспорно одинъ изъ самыхъ прославленныхъ и вмѣстѣ одинъ изъ са-

ныхъ неизвѣстныхъ философовъ нашего времени. Едва-ли найдется другой современный мыслитель, оказавшій столь сильное, общее и глубокое вліяніе на умы своего вѣка и въ то-же время менѣе понятый и оцѣненный, чѣмъ Гегель, и это не только у насъ, но и у себя на родинѣ. Едва-ли найдется другой философъ, съ именемъ котораго связано столько недоразумѣвій, предразсудкомъ и противорѣчивыхъ представлений, отчасти можетъ быть благодаря тому широкому вліянію, которое оказало его міросозерцаніе и которое оно оказываетъ до сихъ поръ даже на людей весьма мало знакомыхъ съ ученіемъ Гегеля“ (стр. V). Можно въ этихъ словахъ, особенно на счетъ доселѣ оказываемаго *широкаго* вліянія Гегеля, находить нѣкоторое преувеличеніе, объясняющееся тѣмъ, что кн. С. Н. Трубецкой вообще очень симпатизируетъ гегельянству, но въ нихъ безспорно много правды. Затѣмъ, уже вполне справедливо другое указаніе предисловія—на усиленіе въ настоящее время интереса къ гегельянству. „Теперь, читаемъ мы на стр. VII — VIII, когда начинается идеалистическая реакція (противъ матеріализма и позитивизма), замѣчается оживленіе интереса къ философіи Гегеля, иногда даже прямое увлеченіе ею и притомъ главнымъ образомъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ мы всего менѣе могли-бы ожидать такого поворота,—въ Англіи и въ Америкѣ. Впервые выступилъ съ проповѣдью гегельянства въ Англіи Гутчисонъ Стерлингъ, затѣмъ оксфордскій профессоръ Уэллесь, переведшій „Логикѣ“ Гегеля и извѣстный своимъ трудомъ о Кантѣ. Много потрудился надъ объясненіемъ гегелизма Паррисъ, издатель американскаго „Умозрительнаго журнала“ (Speculative journal). Философія Гегеля оказала также значительное вліяніе на рядъ англійскихъ ученыхъ, каковы: Брайль, Гринъ, Ватсонъ, Адамсонъ, Кэрдъ и другіе“.

Этимъ усиленіемъ интереса къ Гегелю объясняется появленіе книги Кэрда ¹⁾, а бѣдностью русской литературы о Гегелѣ (см. объ этомъ въ предисл. С. Н. Труб., стр. VIII—IX)—переводъ ея на русскій языкъ. Переводъ этотъ кн. С. Н. Трубецкой называетъ „добросовѣстно выполнен-

¹⁾ По-англійски эта книга вышла еще въ 1893 году и вошла въ составъ series „philosophical classes for english readers“

нымъ“ (стр. XI),— и это совершенно справедливо. Подобно другимъ переводнымъ изданіямъ психологическаго общества, настоящій VI выпускъ его трудовъ съ честью поддерживаетъ достоинство своей фирмы. Мы можемъ сказать, что не только переводъ выполненъ вполне добросовѣстно, но и выборъ книги для перевода сдѣланъ очень удачно. Предисловіе С. Н. Трубецкого представляетъ собою очень интересную характеристику Гегелевой философіи и является далеко не излишнимъ даже при такой подробной монографіи, какъ настоящее сочиненіе Кэрда.

Книга Кэрда состоитъ изъ девяти главъ, изъ которыхъ первыя пять (стр. 1—126) содержатъ біографію и характеристику Гегеля въ связи съ развитіемъ его философскихъ воззрѣній, а послѣднія четыре (гл. VI—IX, стр. 127—267)—характеристику и изложеніе его философіи. Пересказывать содержаніе разсматриваемой книги было-бы слишкомъ долго. Замѣтимъ только, что по обстоятельности и полнотѣ обзора своего предмета трудъ Кэрда заслуживаетъ полного вниманія всѣхъ интересующихся философіей, а по тщательности обработки и серьезности пониманія Гегелевой философіи принадлежитъ къ разряду такихъ книгъ, которымъ смѣло можетъ довѣряться не-специалистъ въ исторіи философіи.

Приложеніе къ книгѣ Кэрда, — „Философія Гегеля“ *Вл. С. Соловьева*, — состоитъ изъ 4 отдѣловъ: а) „происхожденіе Гегелевой философіи“ (стр. 271—278), б) „Главное въ философіи Гегеля“ (стр. 278—286), в) „Краткій очеркъ Гегелевой системы“ (стр. 286—297) и д) „Оцѣнка Гегелевой философіи“ (стр. 298—306). Это приложеніе представляетъ собою очень живо, — съ обычнымъ блестящимъ литературнымъ талантомъ автора. — написанную статью. Первоначально она появилась въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, здѣсь-же перепечатана, какъ видно изъ предисловія (стр. XI), въ слегка измѣненной самимъ авторомъ формѣ. Считаемо не лишнимъ привести изъ нея заключительныя слова въ оцѣнкѣ Гегелевой философіи: „Неспособность гегельянства дать цѣльное и прочное удовлетвореніе живому религіозному чувству, съ одной стороны, и потребностямъ практической воли, съ другой, лучше всякихъ разсужденій показываетъ настоящія границы этой

философіи и опровергаетъ ся притязаніе быть *совершенною* истиною, полнымъ и окончательнымъ откровеніемъ абсолютнаго духа. Въ этомъ качествѣ ее никто уже не признаетъ въ настоящее время; какъ всеобъемлющая и самодовлѣющая система, гегельянство въ настоящее время болѣе не существуетъ; но осталось и на всегда останется то положительное, что внесено этою философіей въ общее сознаніе: идея универсальнаго процесса и развитія, какъ общей, всепроникающей связи частныхъ явленій“ (стр. 306).

П. Тихомировъ
